

RU

«Управление будущим»: футуроцид «новой этики» в прозе для подростков

Свитенко Н. В.

Аннотация. В статье анализируется аксиосфера «новой этики», постулируемая в ряде исследований современной детской и подростковой литературы как «новая нормальность». Научная новизна исследования заключается в «активации» концептуально-терминологического аппарата для описания аксиологической сферы текста, способного эффективно анализировать ценностно-смысловой уровень художественного высказывания. Рассмотрение ценностных координат позволяет осмыслить «новую этику», инкорпорированную в прозу для подростков как инструмент техники «управления будущим», используемый в современном когнитивно-цивилизационном противостоянии. Цель исследования состоит в выявлении аксиологического семиозиса как этической категории художественного, принципиально значимой для системного понимания ценностно-онтологического единства отечественной (советской и постсоветской) прозы для подростков, объединяемой авторской художественной задачей: создание героя, «прорастающего» из национального прошлого, делающего экзистенциально значимый выбор в настоящем, выбор, который в перспективе протраивает национальное и общечеловеческое будущее. Полученные результаты показали: «новая этика» оказывается проводником репрессивных смыслов для образа будущего, активируя проблему футуроцида в прозе для подростков. Новая историческая проза осуществляет управление прошлым, новая этика, инкорпорированная в литературу для подростков, пытается осуществлять управление будущим. Сумма результатов подобных усилий приводит к онтологическому «коллапсу»: разрушению национальной картины мира в сознании подрастающего поколения.

EN

“Managing the future”: The futurocide of the “new ethics” in contemporary young adult fiction

N. V. Svitenko

Abstract. The article analyzes the axiological sphere of the “new ethics”, a concept posited as the “new normal” in several studies of modern children’s and young adult literature. The novelty of the research lies in the “activation” of a conceptual-terminological apparatus for describing the axiological sphere of the text, capable of effectively analyzing the value-semantic level of artistic expression. Examining value coordinates allows us to understand the “new ethics” incorporated into young adult prose as a tool for “future management” used in contemporary cognitive-civilizational confrontation. The study aims to identify axiological semiosis as an ethical category of the artistic, fundamentally significant for a systematic understanding of the value-ontological unity of Russian (Soviet and post-Soviet) young adult prose, united by the author’s artistic task: to create a hero who “sprouts up” through the national past, makes an existentially significant choice in the present, a choice that prospectively constructs the national and universal future. The research findings show that the “new ethics” acts as a conduit for repressive meanings for the image of the future, activating the problem of futurocide in young adult prose. New historical prose manages the past, while the new ethics, incorporated into young adult literature, attempts to manage the future. The sum of these efforts leads to an ontological “collapse”: the destruction of the national worldview in the minds of the younger generation.

Введение

Определившаяся тенденция представлять в современных учебных пособиях и научных исследованиях разного уровня советскую литературу для подростков как «официозно репрессивную», «идеологически нормативную», не отражающую настоящих жизненных реалий подростка, имеющую массу табуированных тем,

замалчивающую проблемы насилия, заставляет обратиться к аспекту сопоставления эстетически релевантных (равновесных по силе читательского воздействия, «онтологической» состоятельности художественных миров) советской и постсоветской литературы. И сделать вывод, что талантливая проза для подростков и второй половины XX столетия, и рубежа XX-XXI веков обладает инвариантными качествами, объединяющими детскую литературу разных периодов отечественной истории. Избранный ракурс видения позволяет отчетливо артикулировать проблемы, которые решают отечественные авторы «всех времен» в «эстетической деятельности» на поле подростковой прозы, и определяет актуальность исследования.

Материалом работы послужила объемная работа американских специалистов «Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1990-2017)» (М.: Новое литературное обозрение, 2024), в которой отчетливо артикулированы аспекты ценностного позиционирования современной литературы для детей и подростков с позиций «новой этики», формирующей «новую нормальность».

Поставленная цель предполагает обращения к следующим задачам: определить специфику дидактического функционала прозы для подростков в контекстуальном анализе работы с национальной нравственно-этической парадигмой; проанализировать особенности современной репрезентации новых ценностей подростковой прозы в системно-типологическом аспекте; обозначить эвристический потенциал советской литературы в сегменте подростковой прозы в качестве ценностного «противовеса» разрушительным интенциям «новой этики».

Работа выполнена в русле ценностно-онтологического подхода, сочетающего литературоведческий инструментальный анализ текста и философскую теорию ценностей, что позволяет представить читателю литературно-художественную рефлексию ценностных сдвигов и мировоззренческих изменений, формирующих авторскую аксиосферу. В рамках ценностно-онтологического подхода определены принципы аксиологического метода изучения литературы, среди которых базовый – «установление онтологической доминанты по отношению к эстетической стороне в событии литературного произведения» (Миннуллин, 2023, с. 10).

Теоретической базой исследования послужили научные работы, посвященные изучению разнообразных аспектов феномена отрочества, и собственно литературоведческих исследований, специализирующихся на изучении его художественной репрезентации (Тиновичкая, 2007; Ворошилова, 2020; Trites, 2000), а также труды специалистов, в которых представлена широкая разноаспектная аналитика фазового кризиса современности: философская «этическая археология» (Секацкий, 2021); технологии ментальных и когнитивных войн (Багдасарян, 2021), информационных войн (Панарин, 2021); концепция национальной геостратегии (Школьников, 2020); психология отрочества (Обухова, 1996) и феномен кидалтов (Неверович, 2008; Ухова, 2017).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике педагога-словесника и библиотекарей, а также послужить материалом для научного обеспечения курсов по истории детской литературы.

Обсуждение и результаты

Принципиальная смена ценностей отражает ответ представителей подрастающего поколения на вопрос «кем быть?». Разница между ответом советского подростка («космонавтом») и подростка рубежа XX-XXI веков («олигархом») очевидна. Пояснить фундаментальную аксиологическую коррозию тезой «времена такие» допустимо лишь на уровне обыденного сознания. Специалист-«человековед» (филолог, психолог, социолог) понимает, что «качество» времен обусловлено комплексом факторов – социальных, научных, геополитических.

И. П. Смирнов (2019) говорит о «катастрофической инфляции» ценностей в большой литературе, провоцирующей «ценностный хаос» современной культуры, вследствие чего из литературы исчез «внутренний» человек. Современный философ Ф. И. Гиренок отмечает, что человек перестал смотреть и видеть: «В XX веке разум не спит, но лучше бы он спал. Потому что бодрствующий разум, утратив почву, рождает монстров. Сознание оказалось чем-то бессознательным. Человек перестал смотреть и видеть (“Меня деревья плохо видят на отдаленном берегу” (Б. Пастернак)). В XX веке нет личности, поскольку для личности нужна душа. Мысль и добро стали делом не личности, а гражданина мира. Цивилизация нуждается не в личностях (дело которой – Бог), а в глыбах человеческих масс. Для современного человека характерны неспособность страдать (неразличение смысла страдания), неспособность любить (подмена смысла любви суррогатами эроса или абстракциями). Безволие и бессилие – вот способ существования человека в мире относительных ценностей. Личность растворилась, но тело продолжает жить – культ тела» (1998, с. 308-309).

Центральной темой современной детской литературы, по мнению М. Николаевой (Nikolajeva, 2010, p. 203), является не достижение ребенком зрелости, а его уязвимость и «инаковость», на которые он обречен в мире взрослых. Р. С. Трайтс, британский заслуженный профессор, специализирующийся на детской литературе, отмечает, что «в произведении для подростков возможны только два сюжетных варианта: герой либо принимает социальный порядок, либо погибает реально (или “ломается” символически)» (Trites, 2000, p. 1).

Американские исследователи русской детской литературы полагают, что «политика “управляемой демократии” в России только подчеркивает неприятие режимом демократических процессов» и оказывает «влияние на развитие современной детской литературы благодаря поддержке публикаций книг, пытающихся увековечить миф о прекрасном советском прошлом, и принятию законов, “защищающих” детей от влияния нетеросексуальных меньшинств» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 25).

Резюмирует специфику современной литературы для детей название статьи С. Ворошиловой (2020) «Смерть, телесность и гендер вместо “Денискиных рассказов”: что происходит с детской литературой сегодня».

Книга «Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1990-2017)» (Лану, Херолд, Бухина, 2024) показательна в двух аспектах: во-первых, она рифмуется с общим трендом тематики и проблематики современной прозы для подростков, во-вторых, раскрывает эти темы и проблемы в глобалистском контексте. То есть советская детская литература и современная детская литература оказываются по разные стороны ценностных цивилизационных баррикад: у глобалистского и отечественного социального проекта принципиально разные культурные и когнитивные коды.

В книге отчетливо прослеживается тенденция примитивизации, идеологического выхолащивания смысла советских книг о подростках: Саня Григорьев («Два капитана» Вениамина Каверина), Тимур Гараев («Тимур и его команда» Аркадия Гайдара), Таня Сабанеева («Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» Рувима Фраермана) «активны, как взрослые, хотя телом еще подростки. Их моральная сила и представления о жизни тоже, скорее, соответствуют уже полностью сформировавшимся взрослым. Их внутреннее взросление связано с **поиском врагов, предательством** и достижением главной жизненной цели – они должны вырасти и стать настоящими советскими гражданами (выделено нами. – Н. С.)» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 230). «Присутствие могущественного ребенка в советской детской литературе представляет собой карнавальную противоположность реальному общению с детьми в Советском Союзе, где к ним относились как к пассивным субъектам, чья основная роль в обществе заключалась в усвоении положенного набора поведенческих норм и идеологических установок» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 75-76). Складывается ощущение, что авторы книги почерпнули свое знание о том, «как это было на самом деле» в нашем прошлом, из новейшей детской литературы.

Отечественные же авторы детских книг, созданных после 1991 года, «относились к своим читателям-детям как к активным, полноценным личностям, а не к пассивным потребителям положенной, предписанной государством информации» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 14), «тексты для детей и подростков, опубликованные за последние три десятилетия... обращались к юным читателям как к гражданам глобального мира» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 19). Очевидно, что идеологические спонсоры и организаторы современного литературного процесса понимают, что подростковой аудитории нужно предлагать не отдельные опусы, а целые этические системы.

Идеологические и нарративные шаблоны советской детской литературы, по мнению американских исследователей, изменили Александра Бруштейн («Дорога уходит в даль») и Владимир Железников («Чучело»): «Бруштейн предложила новую форму повествования, Железников – новое содержание. Новые нарративные стратегии Бруштейн, передающие внутренний мир ребенка, отозвались у Железникова перевернутым с ног на голову советским идеалом счастливого детства и избавлением от романтизированных и по большей части мифических представлений о детях как о высокоморальных коллективистах» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 237-238).

Именно эти советские книги, по мнению американских исследователей, сломали множество табу и сделали возможным «преодолеть очередной барьер» в современной прозе для подростков и «позволить себе открытое обсуждение сексуальной ориентации детей и подростков» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 238-239). И авторы постсоветской детской литературы берутся решать задачу формирования сознания по-настоящему «свободного» человека.

Главный герой повести Дарьи Вильке «Шутовской колпак» Гриша играет роль клоуна перед одноклассниками, подражая своему старшему другу и наставнику Сэму, артисту-кукольнику, который больше не может жить и работать в «гомофобной» России, преследуемой «открытые проявления его сексуальной ориентации». У Гриши еще нет ответа на жестко поставленный цисгендерным авторитарным дедушкой вопрос о его сексуальных предпочтениях; Гриша еще не определился, но уже «по ходу повести мальчик начинает понимать, что от него требуется принятие той социальной роли, которой ожидают окружающие, в данном контексте это означает грубое и агрессивное “мужское” поведение и “покорение” противоположного пола» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 239).

В контексте поисков свободы современными авторами подростковой прозы произведения Е. Велтистова или К. Булычева читаются как «инопланетные», какой-то иной нравственной цивилизации, поскольку новая этика, постулаты которой пытается художественно репрезентировать Д. Вильке, диссонантны национальному культурному коду. В связи с этим авторы книги «Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1990-2017)» беспокоит, что государственная «чуткая цензура» стесняет молодых писателей в их замыслах, а «подростковое стремление к искренности входит в противоречие с теми ограничениями, которые накладывает на литературу государство, определяя, что может и что не может предназначаться для подростков» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 216).

Сложно не впасть в когнитивный диссонанс, читая о том, что «в советской литературе преобладала тенденция описывать детство счастливым, как ему положено быть, временем – за исключением тех исторических периодов, когда детство приносилось в жертву на благо Родины. Авторы первой волны, которые писали свои произведения сразу же после распада Советского Союза, резко и решительно отвергли эти заезженные тропы, рисуя детство печальной порой для многих детей, и особенно для тех, кто остался сиротами, попал в государственные учреждения призревания или лишился средств к существованию вследствие опустошительных экономических кризисов 1990-х годов. Эти авторы предельно реалистично изображали детей жертвами коллапса государственных и общественных структур, детьми, лишенными детства. Ужасающие условия жизни многих детей в начале 1990-х годов, включая сотни тысяч попавших в государственные сиротские приюты или в систему международного усыновления в результате того, что их родители потеряли возможность зарабатывать деньги или страдали алкоголизмом, привели к необходимости использовать в повествовании фантастические элементы... смягчающие невероятно мрачную картину» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 228-229). Американские исследователи сознательно умалчивают о том, что именно крушение Советского Союза стало причиной обрушения страны в катастрофические 1990-е.

Авторы и аналитики современной детской литературы загоняют читателя в бинарную ловушку: или «государственный» «миф» о советском прошлом или «правда» индивидуального прошлого. Это фальшивый выбор, подделка: коллективная память соотечественников, фундированная культурным кодом, обращается в поисках опоры к «нужным книгам», которые в «детстве читал». Оказалось, что историю переписать легче, чем литературу – советская детская и подростковая проза отлично держит удар. Это вызывает полное недоумение у американских исследователей: «...многие читатели оказались совершенно не готовы отказываться от пропагандируемых советским каноном положительных идеалов, моральных ценностей и идеи стабильности» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 76), в то время как «персонажи книг больше не должны быть истинными героями, им не надо спасать друзей от неминуемой смерти, жертвовать собой ради общего дела или помогать солдатским семьям, как во в время войны. **Теперь они могут быть обычными детьми, пытающимися найти свое место в глобальном мире** (выделено нами. – Н. С.)» (Лану, Херолд, Бухина, 2024, с. 13). Любопытно в этом контексте увидеть аксиологические константы английской литературной саги о герое, который значительно чаще пользуется волшебной палочкой как клинком или шпагой, чтобы отстоять честь, достоинство или жизнь друзей и всех, нуждающихся в защите. То есть подлинная литература, написанная на любом из мировых языков, постулирует созидательные человеческие ценности. Критерием подлинности выступает онтологичность художественного мира произведения: по точному выражению Хемингуэя, «все хорошие книги сходны в одном: когда вы дочитаете до конца, вам кажется, что все это случилось с вами, и так оно навсегда при вас и останется» (Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет...: художественная публицистика / пер. с англ.; предисл. и коммент. Б. Грибанова. М.: Прогресс, 1983, с. 57).

Такое распространенное мировоззренческое искажение, как обостренное чувство справедливости, свойственное подростковому сознанию, коррелирует с проблемой избрания подлинного нравственного образца. Усвоение подростком оного «происходит тогда, когда он совершает реальные нравственные поступки в значимых для него ситуациях. Но... совершая различные поступки, подросток больше поглощен частным содержанием своих действий. В результате... он приучается вести себя соответственно данному частному образцу, но не может осознать его обобщенный нравственный смысл» (Обухова, 1996, с. 388). Иными словами, в период отрочества взгляд человека на поступок может оказаться слишком узким для того, чтобы вместить в себя все сопутствующие ему эффекты, провести верные причинно-следственные связи и объективно оценить нравственное содержание поступка. В этом аспекте «онтология чтения» позволяет увидеть и осознать происходящее с иной позиции: верный выбор в сложной ситуации, развернутый талантливым автором в захватывающий сюжет, проясняющий перипетии судьбы, оказывается «страховочным» опытом для сознания подростка.

Авторы «новой исторической прозы» видят главную опасность для подрастающего поколения в страхе, который «передавался из поколения в поколение». Полагаем, что опасность принципиально иная: банализация потребностей, герметизация сознания, фрагментация знаний, упрощение картины мира подростка, которые оборачиваются неготовностью к сложным реалиям современного мира, требующим для своего восприятия формирования сложного сознания, способного не только помыслить образ будущего, но и претворить его в жизнь.

В этом контексте очевидно, что идеологические «двигатели» новой исторической прозы собраны на «фабрике» глобализма – «управление прошлым» позволяет осуществить пересборку субъекта на основаниях новой ценностной парадигмы, где причастность к истории, к человеческой природе становится проблематичной и рассматривается как отягощение, как фактор, мешающий синтезу нового человека. Педалирование денатурации в современной детской литературе также способствует переходу к новой, «облегченной» сборке субъекта.

И зарубежные, и отечественные исследователи в качестве главной претензии к образу подростка, созданного Гайдаром, предъявляют наличие у героя «моральной силы» и «представления о жизни», которые соответствуют уже «полностью сформировавшимся взрослым». Полагаем, что проблема вовсе не в том, что не бывает таких подростков, как Тимур, а в том, что в настоящее время не бывает таких, как Тимур, взрослых.

Антропологический феномен кидалтов (контаминация английских слов «ребенок» и «взрослый») предполагает взрослого, сохраняющего психологические свойства, фобии, увлечения, ценностные, социальные установки ребенка или подростка. В психопатологии этот феномен носит название «синдром Питера Пена». В первую очередь нужно отметить, что кидалты – конкретный массовый тип потребителя, в том числе и литературной продукции. Отличительные особенности этого типа – индивидуализм, негативное отношение к институту семьи, неготовность брать на себя ответственность, задержка возрастной социализации, психофизическая незрелость, несоответствие возрастным требованиям, различные формы эскапизма. «В этой ситуации установка детской литературы на «мораль» для детей сменяется установкой на «терапию» для взрослых» (Тиновицкая, 2007, с. 170).

Традиционная этика, человеческая система нравственности была императивна, то есть требовала что-то в себе преодолевать – власть тела, побуждений, вожделений, и это было нелегко. В настоящее время этика теряет императивный характер: креатурам трансгуманизма просто нечего в себе преодолевать – по правилам новой этики власти тела следует уступить без боя. В рамках новой схематичной, политкорректной этики сформулированы и четко очерчены актуальные «смертные» грехи: ксенофобия, гомофобия, расизм, консерватизм и, самое главное, приверженность прежним ценностям.

Фазовый кризис, о котором пишут историки, социологи, политологи, экономисты, философы, предполагает ситуацию, где возможности социальной инженерии позволяют создавать новую этическую систему, схему образа жизни примерно так же, как в художественном тексте. А. К. Секацкий (2021), называя свою книгу «Этика под ключ», исходит именно из этого положения. Прежде этический синтез был затруднен тем, что ты можешь не преодолеть сопротивления телесности, истории и социальной природы. Теперь, поскольку

это сделать легче, создание «этики под ключ» буквально встало на повестку дня, то есть формулировка выборочных способов образа жизни и их пробное внедрение – сегодня вполне «человекообразная» задача (социальная инженерия выполняет именно ее). Поэтому детским писателям ничего не остается, как бросить вызов и предложить подросткам к проживанию свои этические версии.

Заключение

Писатели-адепты новой этики своими литературными работами «спонсируют» футуроцид, уничтожение будущего, – предельную форму войны, обеспечивающей победу в любых войнах до их начала. Футуроцид предполагает уничтожение замыслов в умах подрастающего поколения еще до того, как они возникли. Отечественная и зарубежная фантастическая литература не раз обращалась к сюжетам, в которых у человека один за другим забирают замыслы, мечты, грезы и создают манкурта – человека без намерений, покорного внешней воле, раба. Футуроцид стирает из сознания молодого поколения мысли о возможностях, проектах, образах будущего, максимально редуцируя пространство мечты. Детям и подросткам приходится брать чужие мечты и «мечтать» их, а в конце концов – просто покориться чужим смыслам, не имея собственных.

Новая этика оказывается проводником репрессивных смыслов для образа будущего, активируя проблему футуроцида в прозе для подростков. Банализация потребностей, герметизация сознания, фрагментация знаний способствуют формированию у подростка упрощенной картины мира, «спонсируя» неготовность к реалиям современного мира, требующим для своего восприятия формирования сложного сознания, способного не только помыслить образ будущего, но и претворить его в жизнь. В этом контексте очевидно, что идеологические «двигатели» новой исторической прозы собраны на «фабрике» глобализма – «управление прошлым» позволяет осуществить пересборку субъекта на основаниях новой ценностной парадигмы, где причастность к истории, к человеческой природе становится проблематичной и рассматривается как отягощение, как фактор, мешающий синтезу нового человека.

Человек сложен, ему свойственны парадоксальные конфигурации движения тела, души и духа. Проблема создания положительного, точнее созидательного, сложного, онтологически осмысленного героя предполагает совершенную технику художественной репрезентации быта и бытия человека в тексте. Классический текст, шедевр, обладает универсальным потенциалом рецепции, объединяя субкультуру детей, культуру взрослых, метакультуру национального и мирового масштаба.

Подростковый период – время выбора. Нужны новые горизонты будущего, под которое будут выбираться роли, – идеи служения, аскезы, преображения, воплощенные в формах жизни, дающие возможность проживать такую роль в любимом персонаже, поверить в нее, сделать своей – и это задача литературы как особого вида искусства.

Национальную идеологию не нужно создавать – она есть, на ней держится наша Держава. Как бы государство ни называлось в историческом времени, сакральные ценности в нем – цивилизационнообразующие. Их нужно не создавать, а сознать. И артикулировать соответственно исторической ситуации. Не случайно у языка ядро незыблемо, а геометрия крыла изменяема, что позволяет на современном наречии излагать вечные истины и традиционные ценности так, чтобы подростки поверили.

Полагаем, что перспективы исследования ценностных ориентиров современной прозы для подростков будут связаны с вызовами сегодняшней реальности – периода ментальных или психоисторических войн. Удары в этих войнах – это смыслы, формирующие определенное понимание сущности жизни национальной, а в последнее время общечеловеческой. Атакуется не только наше настоящее, но и прошлое и, что особенно опасно, – будущее. Дальнейшие направления в изучении представленной темы предполагают исследование особенностей современной репрезентации «трудных периодов отечественной истории» в произведениях для подростков и аналитику специфики работы с национальной исторической памятью, осуществляющих способы «управления прошлым».

Источники | References

1. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше Завтра, 2021.
2. Ворошилова С. Смерть, телесность и гендер вместо «Денискиных рассказов»: что происходит с детской литературой сегодня // НОЖ. 2020. 16 июня. <https://knife.media/new-books-for-kids/>
3. Гиринов Ф. И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998.
4. Лану А., Херолд К., Бухина О. Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1990-2017). М.: Новое литературное обозрение, 2024.
5. Миннуллин О. Р. Ценностно-онтологические аспекты художественно-литературного творчества: дисс. ... д. филол. н. М., 2023.
6. Неверович Г. А. Основные тенденции современной детской и юношеской литературы // Молодежь. Чтение. Успех: сборник материалов науч.-практ. конференции (г. Архангельск, 22-24 апреля 2008 г.). М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2008.
7. Обухова Л. Ф. Детская (возрастная) психология. М.: Роспедагентство, 1996.
8. Панарин И. Н. Гибридная война и геополитика. М.: Горячая линия; Телеком, 2021.

9. Секацкий А. К. Этика под ключ. М.: Лимбус Пресс, 2021.
10. Смирнов И. П. Ценность и смысл // Звезда. 2019. № 10.
11. Тиновицкая Е. К. Терапия вместо «морали». Об одной новейшей тенденции в отечественной детской литературе // Вопросы литературы. 2007. № 4.
12. Ухова Л. В. Издание литературы для подростков как коммерческий проект // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III всероссийской науч.-практ. конференции (г. Санкт-Петербург, 1-3 марта 2017 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017.
13. Школьников А. Ю. Геостратегический взгляд на будущее мира и России. СПб.: Corvus, 2020.
14. Nikolajeva M. Power, Voice and Subjectivity for Young Readers. N. Y. – L.: Routledge, 2010.
15. Trites R. S. Disturbing the Universe: Power and Repression in Adolescent Literature. Iowa: University of Iowa Press, 2000.

Информация об авторах | Author information

RU**Свитенко Наталья Вячеславовна¹**, к. филол. н., доц.¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар**EN****Natalya Viatcheslavovna Svitenko¹**, PhD¹ Kuban State University, Krasnodar¹ svitenko@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2024; опубликовано online (published online): 15.11.2024.

Ключевые слова (keywords): современная проза для подростков; новая нормальность; национальная идентичность; русский культурный код; художественная аксиология; contemporary young adult fiction; new normal; national identity; Russian cultural code; artistic axiology.